

CONTENTS

Articles

<i>Polikarpov A.A., Krusate M.R.-S. S.I. Ozhegov's Three-Part Typology of Definitional Dictionaries in Terms of Systemic Prospects</i>	7
<i>Van Yun, Lu Hitao (PRC). A Quantitative Study of the Noun in Russian According to Its Syntactic Features</i>	35
<i>Shilikhina K.M. Flat Irony and Lame Joke: Markers of Switching between Bona Fide and Non-bona Fide Communication Modes</i>	52
<i>Nikitina E.N. About the Accusative Case as Governed by 'Modal-Emotional' Verbs (as exemplified by the verb бояться)</i>	60
<i>Nedzvetsky V.A. 'Russian in Spirit' (Elizaveta Alexeyevna Romanova about Russians, the Russian language and Russian literature)</i>	71
<i>Panova O.Yu. Near the Origins: Establishment of the Canon, Topics and Thematic Constants in the African-American Literary Tradition</i>	83
<i>Kormilov S.I., Amanova G.A. Metrics, Rhymes and Stanzas in Russian Translations of Korean Poetry (A.A. Akhmatova, A.L.Zhovtis, G.B. Yaroslavl'tsev)</i>	92
<i>Khalizev V.Ye., Kholikov A.A. Early 20th Century Russian Academic Literary Criticism and Alexander Veselovsky's tradition</i>	116

Communications and Materials

<i>Zimina N.Yu. Dostoevsky's 'A Novel in Nine Letters' as a Novel about Love</i>	140
<i>Zubkov K.Yu. 'A Sketch of Popular Drama': Plots and Quotations in I.A. Gontcharov's 'Precipice'</i>	149
<i>Makeyev M.S. A.K. Golubev's Book about Nekrasov as a Source to Study the Poet's Biography (on the materials of A.A. Butkevich's letters to the publisher)</i>	162
<i>Litnevskaya E.I. On the Peculiarities of Con-situationality when Deciphering Written Colloquial Speech</i>	169
<i>Vinogradov I.A. On Some Grammatical Peculiarities of Maya Narratives</i>	181

Materials of Scientific Readings Devoted to the 95th Anniversary of V.A. Beloshapkova's Birthday

<i>From the Editorial Board</i>	
<i>Shmelyova T.V. A Proposition's Communicative Weight</i>	189
<i>Fedosyuk M.Yu. What Should a Contemporary Course of Russian Syntax Be Like in a Higher Educational Establishment?</i>	199

Critique and Bibliography

<i>Kormilov S.I. Vershinina N.L. 'A Knight beyond Reproach' of the New Times Alexandre Nikolayevich Yakhontov: Monograph. Pskov: Limited Company 'LOGOS PLUS', 2011</i>	207
<i>Amanova G.A. Gasparov M.L. Philology as Morality: Articles, Interviews, Notes. On the Past and Future. On Intelligentsia. On Culture. On School. On Life. Moscow: Fortuna EL, 2012</i>	212
<i>Semyonov V.B. From Early Welsh Poetry / Compiled by A.I. Falileyev; editor-in-chief N.N. Kazansky. St Petersburg: Nauka, 2012. Series 'Towering Achievements of Literature'</i>	216
<i>Goganova A.V. Yablokov E.A. A Guide-book for A.P. Platonov's Novel 'Chevengur': A Manual. M.: Moscow University Press, 2012. (The School for Profound Reading)</i>	224

Scholarly Life

<i>Frolova O.E. Lomonosov Readings — 2013</i>	227
<i>Stepanov A.G. An International Scholarly Conference 'Problems of Poetic Semantics'</i>	245
<i>Nikolayeva S.Yu. Lev Gumilyov's 'Thought Tree': Scholastic Conferences at Tver' and Bezhet'sk</i>	250
<i>Izotov A.I., Vorobyova N.V. The Czech Language in the World and the World in the Czech Language: The VII International Symposium on the Czech Language Abroad</i>	254

In Memory of...

<i>Natalya Aleksandrovna Solovyeva</i>	260
--	-----

СТАТЬИ

А.А. Поликарпов, М. Руис-Соррилья Крусате ТРЕХЧАСТНАЯ ТИПОЛОГИЯ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ С.И. ОЖЕГОВА В СИСТЕМНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

В статье предлагается теоретическая интерпретация оригинальной трех-частной типологии толковых словарей, выдвинутой в 1952 г. С.И. Ожеговым. С позиций системной лингвистики дается объяснение соответствия этой типологии глобальной структуре лексической системы. Осуществляется экспериментальная проверка этого соответствия на основе дифференцированного анализа объемов и качественного состава «больших», «средних» и «кратких» толковых словарей русского и английского языков, а также выявления в ходе специального тестирования состава и соотношения активных и пассивных индивидуальных словарей носителей русского языка.

Ключевые слова: трехчастная типологии толковых словарей, системная лингвистика, соотношение активных и пассивных индивидуальных словарей.

The content of this article is interpretation in terms of Systemic Theoretical Linguistics of the original three-part typology of definitional dictionaries, launched by S.I. Ozhegov in 1952. Our article includes an explanation of the compliance of Ozhegov's ideas with the global structure of the society's lexical system. Moreover, experimental verification is carried out of some of these ideas on the basis of a differentiated analysis of the quantitative and qualitative features of "large", "medium" and "concise" dictionaries of Russian and English. Results of identification, analysis, specialized testing and comparison of individual Russian speakers' active and passive vocabularies are also present.

Ключевые слова: three-part typology of definitional dictionaries, systemic linguistics, correlation between individual speakers' active and passive vocabularies.

1. Проблема

В 1952 г. в статье «О типологии толковых словарей современного русского языка» Сергей Иванович Ожегов выдвинул оригинальную трех-частную типологию толковых словарей [Ожегов, 1952]. Теоретическое значение этой лексикографической типологии, ее связь со структурой лексической системы языка, ее универсальный характер, приложимость к любому развитому литературному языку до сих пор в полной мере не осознаны языковедами. Данная статья посвящена современной интерпретации этой типологии, объяснению ее соответствия глобальной структуре лексической системы общества с позиций системной лингвистики, а также экспериментальной проверке этих соответствий.

¹ Настоящее исследование проведено на основе гранта РГНФ № 12-04-00405 12.

Системный подход к данной проблеме позволяет уточнить и упрочить основания типологии толковых словарей, прояснить ее онтологический статус, ее универсальность для любого языка обществ, находящихся на одном и том же, «современном», уровне информационно-коммуникативного развития. Это позволяет и более осознанно относиться к решению практических проблем в лексикографии и методике обучения лексике, в частности к проблеме выработки критериев отбора лексики в словники толковых и переводных словарей разного типа, в лексические минимумы для обучающихся различного уровня и т. п.

Под «системной лингвистикой» в настоящей статье подразумевается комплекс лингвистических идей и категорий, в центре которых находится идея языка как целостности-системы, состоящей из взаимообусловленных частей-подсистем. Система языка в свою очередь включается в качестве части в еще более обширную целостность, систему коммуникации в обществе и поэтому зависит в своих основных характеристиках от нее [Мельников, 1978; 2000; 2003]; см. также работы [Поликарпов, 1979; 2007; Зубкова, 2003]. Именно в общении и общением формируются индивидуальные языковые системы (в том числе и индивидуальные словари). Общение формирует и закрепляет те наиболее распространенные в обществе стандарты употребления и комбинаторики языковых единиц, которые и позволяют говорить о языковой системе в целом.

Рассмотрим, как взаимодействие между индивидуальными лексиконами в ходе коммуникации ведет к специфической структуризации совокупной лексической системы общества, которая лексикографически отражается в принципиально трехчастной структуре типов толковых словарей языка.

2. О соотношении индивидуальных словарей, принципиальной структуре словарного сознания общества и системе толковых словарей

С.И. Ожегов писал о вскрытой им типологии толковых словарей следующее: «Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: большой, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; средний, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, краткий, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи» [Ожегов, 1952: 91–92].

Чтобы осознать действительную онтологическую значимость этих определений, т. е. понять закономерную соотнесенность материала словарей указанных типов с материалом реального расслоения

лексической системы языка, необходимо обратиться к базовым категориям системно-коммуникативной онтологии языка.

В своем системном моделировании словаря (и языка в целом) как социального явления мы исходим из того, что исходной реальностью его существования являются *индивидуальные словари*. Каждый индивидуальный словарь *уникален* и является результатом общения данного коммуниканта в различных социальных группах (семейных, профессиональных, возрастных, спортивных и т. п.). В ходе коммуникации происходит постоянное *сопоставление* индивидуальных словарей, с выявлением *совпадений* и *расхождений* в них, и их *взаимоподобление*. При этом сопоставление индивидуальных словарей происходит на фоне членения каждого из них на две принципиально различные части — *АКТИВНУЮ* и *ПАССИВНУЮ*. Активная часть индивидуального словаря — это то, что используется носителем из всего этого словаря только в своей *продуктивной фазе общения* — при говорении и писании в адрес партнеров по общению. Пассивная часть индивидуального словаря — это лексика, которая используется носителем из всего этого словаря *только в его рецептивной фазе общения* — при слушании и чтении текстов, обращенных к нему. *Активная часть индивидуальных словарей у членов современного общества, видимо, должна быть меньше по объему, чем пассивная.* Это может объясняться тем, что пассивная часть формируется его включенностью в большее число разных актов общения с разными людьми разных индивидуальных и групповых интересов и поэтому — восприятием и отображением в каждом пассивном индивидуальном словаре большего числа разных употребленных другими участниками коммуникации слов, чем это происходит при формировании активной части его индивидуального словаря.

При принципиальной уникальности состава каждой из активных частей индивидуальных словарей в данном коллективе обнаруживается и существенное их *ПЕРЕСЕЧЕНИЕ*, значимое *тождество* по некоторому определенному набору входящих в них слов и их значений. Это пересечение — не что иное, как тот *минимум, наиболее социально значимый круг лексических средств, который формируется определенным сходством задач и условий общения членов данного коллектива, а также постоянным взаимным уподоблением, взаимным обучением этому минимуму.* Указанное пересечение индивидуальных словарей покрывает, видимо, общезначимые, наиболее важные, наиболее активные, т. е. *ядерные*, смыслы, характеризующие жизнь данного общества. Это тот минимум, на основе которого коммуниканту можно гарантированно общаться с любыми остальными членами общества, т. е. можно объяснить (описать) любой другой смысл, который выходит за пределы ядерного их набора.

Если указанное пересечение активных частей индивидуальных словарей формирует наиболее важную часть общего словаря языка, то это пересечение соответствует и тому обязательному минимуму, которым должен овладеть любой коренной и некоренной носитель данного языка, чтобы стать (и чувствовать себя) полноценным его носителем. Иными словами, очевидно, это тот круг лексики, от которого должны исходить и методисты при разработке концентрически уменьшающихся по объему лексических минимумов различного рода для обучаемых разных уровней, вплоть до начального, самого низкого. Знать объем исходного «верхнего» минимума необходимо как отправную точку в расчетах всех более ограниченных минимумов. (Более детально к вопросу о методических приложениях предлагаемых нами взглядов в практике обучения русскому языку иностранцев мы обратимся в отдельной работе.)

В действительности, до настоящего времени ни по одному из языков не имелось не только данных об этом наиболее важном пересечении активных индивидуальных словарей, но и даже сколько-нибудь убедительных данных о диапазоне разброса объема индивидуальных словарей, о количественном и качественном соотношении (по частям речи, словообразовательным типам, полисемии, стилистической маркированности значений слов и т. п.) в них активной и пассивной частей и т. п. В литературе присутствуют самые разнообразные, в том числе и *фантастические* *ОЦЕНКИ* объема индивидуального словаря (см., например, обзор попыток подобных оценок в работе [Денисов, 1974]), но практически отсутствуют попытки *ИЗМЕРЕНИЯ*, *экспериментального определения* этого объема, а тем более попытки определения степени и характера соответствия индивидуальных словарей друг другу, выявления того общего, что их объединяет, выявления и соотнесения состава активных и пассивных индивидуальных словарей².

² Попытки экспериментального определения объема индивидуального словаря немногочисленны. Прямые эксперименты по тестированию русских индивидуумов со средним и незаконченным высшим образованием [Савчук, 1997] и даже неграмотных крестьян [Тимофеев, 1971] дают не меньше нескольких десятков тысяч слов, известных рядовому носителю языка. В некоторых экспериментах с испытуемыми с высшим образованием средние и максимальные величины общего знания русского литературного словаря поднимаются еще выше — до 100 тысяч и более слов [Поликарпов, Поликарпова, 1987]. В проекте “Test Your Vocabulary”, осуществляемом через анкетирование испытуемых по Интернету для массового определения объема словарного запаса коренных и некоренных носителей английского языка (<http://testyourvocab.com/>), в частности, определяется зависимость объема индивидуального словаря (без разделения его состава на активную и пассивную части) от возраста испытуемых. Однако проведенные к настоящему моменту исследования ни для одного из языков пока не дают определенного ответа ни на вопрос о пределах индивидуального знания словаря (так как используемые тестовые списки явно не являются максимальными и, значит, не позволяющими оценить объем индивидуального словаря «сверху»), ни на вопрос о соотношении его активной и пассивной

На основе указанных системно-лингвистических идей и возникает гипотеза (впервые высказанная нами в 1987 г. [Поликарпов, 1987]; см. также [Поликарпов, Курлов, 1994; Поликарпов, 2012]) о том, что *тот круг лексики, который попадает в пересечение активных частей индивидуальных словарей принципиально соотносится с составом* первого из упомянутых С.И. Ожеговым типов толковых словарей — *словаря краткого типа*. Эта гипотеза возникает на основе обнаружения соответствия между функциями лексики из указанного пересечения (лексику, попадающую в пересечение активных индивидуальных словарей *каждый* полноценный носитель языка, по определению, не только знает, но и обязательно *употребляет*) и функциями словаря краткого типа («... *краткий*, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи»). Действительно, если думать об активной лексической нормализации, то этому должны прежде всего подвергаться те лексические средства, которые отмечены во *всеобщем активном употреблении*. Вследствие этого словарь краткого типа и занимает *центральное положение в системе толковых словарей любой национальной языковой культуры*. Выделенный С.И. Ожеговым тип краткого словаря следует признать самым нужным, самым популярным, так как он в наиболее строгой степени ориентируется на сохранение, *нормализацию* лексического материала, отраженного в нем.

Какие же реальные словари представляют данный тип национального словаря-минимума в русской лексикографической традиции? Наиболее важным представителем этого типа является «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (СО), представленный его различными изданиями вплоть до 20-го [Ожегов, 1949–1989]. В меньшей степени — об этом будет идти речь ниже — этому типу соответствуют издания этого словаря под редакцией Н.Ю. Шведовой и в особенности с двойным [Ожегов, Шведова, 1992].

Зададимся вопросом: может быть, выработка такого типа и всей иерархии типов толковых словарей — это только специфика русской национальной культуры, русской национальной лексикографии? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным, т. к., оказывается, что краткий тип словарей, естественно, представлен в любой развитой лексикографической традиции. Например, в британской — это “Advanced Learner’s Dictionary of English” A.S. Hornby [Hornby, 1974] (далее — Hornby), в американской — Merriam-Webster’s School Dictionary [School, 2004] (далее — School). В этих языковых культурах представлены и прочие типы толковых словарей, отражающих иные слои лексической реальности каждого из этих языков (см.

частей, ни на вопросы о соотношении в обществе объема и характера активных и пассивных частей разных индивидуальных словарей, их пересечений, объединений и дополнений.

ниже). Что и неудивительно, так как принципиальная структура словарного сознания обществ на определенном (одном и том же для сопоставляемых культур) этапе их социального развития должна быть принципиально сходна, так как формируется одним и тем же, универсальным для них по качеству и объему набором социально-коммуникативных факторов.

Для осознания онтологических принципов выделения и иных, кроме обнаруженного нами ядерного, слоев словарного сознания обществ, далее, отметим, что достаточно объективным (хотя и менее явно ощущаемым) онтологическим статусом в обществе обладает и ОБЪЕДИНЕНИЕ *всех существующих в данное время активных индивидуальных словарей*. Это «объединение» есть не что иное, как *совокупный актуальный лексический инвентарь данного общества в данное время*, т.е. полная сумма того лексического материала, который используется кем-либо из ныне живущих людей в данном языковом коллективе.

Совершенно очевидно, что такой объект, как *объединение активных идиолексиконов*, менее обозрим и менее ощутим, чем *пересечение состава индивидуальных активных идиолексиконов*. Однако этот объект тоже является предметом пристального внимания в любой развитой национальной лексикографической традиции, так как совершенно очевидно, что в обществе нового времени присутствует очень важная *задача фиксации и нормализации ВСЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ, ВСЕГО АКТУАЛЬНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЯЗЫКА*, а не только его «ядра».

В этом «объединении», совокупном лексическом инвентаре данного общества в данное время на фоне указанного выше «пересечения» активных индивидуальных словарей совершенно очевидно выделяется и «*дополнение*» к этому «пересечению». «Дополнение» представлено в наибольшей степени лексическими единицами *периферийных, специальных областей общения* (специально-научных, профессионально-технических, социально-групповых и т.п.). Справочно-нормирующая информация, фиксируемая в словарях о словах и значениях этих более периферийных областей, хоть и менее социально значима, чем информация о лексическом «ядре», но тоже необходима обществу на достаточно продвинутых этапах его развития, так как специальные области — это тоже важные области функционирования данного языка (в особенности если учесть, что они отображают точки роста культуры народа-носителя этого языка).

Кроме того, надо учитывать, что центр и периферия лексической системы находятся в сложном, но органическом взаимодействии, из которого исключить одну из этих сторон (пусть одна из них и является отдаленной от интересов большинства в обществе специальной «периферией») невозможно без искажения общей картины, без потери

перспектив действительно научного понимания, теоретического и практического овладения закономерностями существования целого механизма этой системы.

Тип словарей, отображающих в совокупности «активный и пассивный запас лексики современного языка», представляющий «стилистическое многообразие современного языка» был определен С.И. Ожеговым как тип «среднего» словаря [Ожегов, 1952: 92, 100]. В русской лексикографической традиции к словарям «среднего» типа относится, кроме «Словаря русского языка в 4 т.» под ред. А.С. Евгеньевой (малого академического словаря, сокр. МАС) [Евгеньева, 1957–1961 (МАС-1); переизд. 1981–1984 (МАС-2)], еще и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [Ушаков, 1938–1940].

В британской лексикографической традиции этот тип словаря представлен такими словарями, как Oxford Shorter English Dictionary, 6th ed. [Shorter, 2007] (далее — Shorter), в американской — различными изданиями словаря Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (например, 10 издание [Merriam-Webster's Collegiate, 1998]) (далее — Collegiate).

Завершая принципиальную структуризацию лексической системы языка, необходимо подчеркнуть, что каждый индивидуальный словарь, кроме активной, обладает еще и *пассивной* частью. В эту часть входят помимо известных некоторому индивидууму, но не употребляемых им (хотя, возможно, и употребляемых актуально кем-то другим в данном обществе в данное время) современных слов и значений (в основном, специально-периферийного, т.е. профессионально-терминологического плана), еще и различного рода *устаревшие* единицы, известные ему, в основном, из письменных текстов, относящихся к современному литературному языку в широком смысле (для русского языка — «от Пушкина до наших дней»). Эти неактуальные, устаревшие лексические единицы из пассивных частей индивидуальных словарей в совокупности и составляют «*дополнение*» к общей актуальной сумме, к указанному выше объединению разных по активности и распространенности актуальных лексических единиц (отображаемых, как было сказано, в словарях среднего типа). Это дополнение состоит из единиц, практически нигде не представленных, кроме текстов прежних эпох, продолжающих сохранять культурную значимость. Учет этого «дополнения» в общей сумме наряду с совокупным актуальным лексическим составом данного языка и приводит к *полному охвату лексической системы данного языка, отображению полного состава литературного словаря данного народа в данную эпоху*. Устаревшее «дополнение» в этой картине представляет тот слой лексической системы, который является для нее наиболее периферийным, но все же реально существующим, так как хотя бы не-

которая часть общества, хотя бы и пассивно, но знает единицы этого слоя, читает и понимает тексты, содержащие их (и даже, может быть, изредка употребляет со справочными или стилистическими целями некоторые из лексических средств этого типа).

В наиболее полном виде (в совокупности всех трех концентрически соотнесенных, последовательно расширяющихся слоев) лексическая система, видимо, должна отображаться составом толкового словаря, называемого в типологии С.И. Ожегова и в русской лексикографической традиции «большим». К словарям этого типа в современной русской лексикографии относится прежде всего «Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах» (БАС-1) [Словарь, 1948–1965]. В последние годы были изданы сопоставимые с ним по объему словника и набора значений такие словари, как «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [Кузнецов, 1998; 2000] и «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой [Ефремова, 2001]. В настоящее время активно издается и близок к завершению составляемый под редакцией А.С. Герда «Большой академический словарь русского языка» (изданы 1–21 тома) [Большой, 2001–2012 (БАС-2)].

Близкими к указанным принципам охвата лексики в большом словаре были и некоторые словари русского языка в XVIII и XIX вв., например, изданный в конце XVIII в. «Словарь Академии Российской» [Словарь, 1794], а также «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук» [Словарь, 1847].

Особняком стоит «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [1863–1866]. Этот словарь совместил в себе свойства большого словаря литературного языка и сводного диалектного словаря русского языка. В итоге он оказался переполнен лексикой, территориально ограниченной.

В британской лексикографической традиции тип «большого» словаря представлен такими словарями, как NED (A New English Dictionary on Historical Principles) [1884–1933] и его вторым изданием OED (Oxford English Dictionary) [1989], а в американской — Вебстеровским словарем, например, его третьим изданием [Webster's 3rd, 1961] (далее — Webster's 3rd). Однако надо сделать оговорку, что указанные британский и американские словари английского языка совмещают функции большого современного толкового словаря и большого исторического с элементами энциклопедического, что экстенсивно расширяет их объем. В противоположность этому «большие» русские словари не включают в себя информацию о лексических единицах не только всех прошедших эпох данного языка (это задача исторических словарей), но и даже большую часть устарелой лексики из «длющейся синхронии» (с конца XVIII в.) современного русского

языка. Более того, как правило, наши средние и, соответственно, большие словари недостаточно отображают современную специальную и производную лексику, а также принципиально избегают использования энциклопедической информации — как в словнике, так и в толкованиях слов.

3. Эмпирическая проверка некоторых выводов рассмотренной модели на основе учета характеристик толковых словарей трех основных типов

Предлагаемая эмпирическая проверка будет состоять в следующем:

- в попытке прямого соотнесения лексического состава словарей трех типов и его качественного анализа (см. далее раздел 3.1);
- в анализе результатов тестов объемных и качественных характеристик словарного знания носителей русского языка (см. далее раздел 3.2);
- в выявлении отличий в стилистических характеристиках значений слов толковых словарей разного типа (см. далее раздел 3.3);
- в представлении и сопоставлении характеристик полисемических распределений в словарях разных типов (см. далее раздел 3.4).

3.1. Прямое соотнесение и анализ состава словарей разных типов

Из сказанного следует, что состав словаря (набор слов и их значений) краткого типа, отражая наиболее ядерную, наиболее активную, самую нужную в любом акте общения лексику, должен быть не только меньше среднего по общему объему, но и обладать *полной вложимостью* в словарь среднего типа, а состав среднего словаря должен быть не только меньше большого словаря по объему, но и должен обладать *полной вложимостью* в большой словарь, причем, как по словнику, так и по набору значений каждого из повторяющихся слов в этих словарях. Этот «принцип вложимости» наборов слов и значений практически полностью доказывается в результате проведенных нами сопоставлений СО («Словаря русского языка» С.И. Ожегова 9–13 изданий, ок. 57 тыс. слов.) со словарем МАС-1 («Словарем русского языка в 4 тт.» А.П. Евгеньевой, 1-е изд. (ок. 85 тыс. слов.) и с БАС-1 («Словарем современного русского литературного языка в 17 томах», более 120 тыс. слов). Выясняется, что только 4 % слов краткого ожеговского словаря не входит в состав среднего словаря МАС, и только 5 % последнего не входит в состав большого. Анализ показывает, что в основном эти «нетипичные» слова — это производные, нерегулярно представляемые в русских словарях для экономии печатного пространства словаря. В данном случае некоторых из этих производных не оказалось волей лексикографов в большем по охвату

словаре, но зато они есть в меньшем. Незначительное количество таких слов свидетельствует о том, что общая тенденция в соотношении объемов толковых словарей разных типов существует.

При этом для тех слов, которые повторяются в этих словарях, в среднем в каждом из более объемных словарей величина их полисемии относительно возрастает (см. подробнее, например, [Поликарпов, Крюкова, 1989]). В результате этого растет и средняя полисемия в каждом из более объемных словарей: от 1.4 значения в кратком словаре (СО) до 1.7 значения в среднем (МАС-1) и до 2.2 значений — в большом (БАС).

Подчеркнем, что издаваемый с 1992 г. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в сравнении со «Словарем русского языка» С.И. Ожегова от издания к изданию (начиная с 9-го издания) по своему словнику становился все объемнее и объемнее (от 57 тыс. до ок. 80 тыс. слов) вследствие постепенного ослабления критериев отбора лексики в словарь краткого типа и даже отхода от них. В итоге «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1992], на наш взгляд, потерял статус словаря краткого типа, сдвинулся в сторону словаря среднего типа, но так и не стал им.

Ниже в качестве иллюстрации приводится подборка слов, попавших в словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992), но которых в словаре краткого типа не должно быть по определению, так как это либо совсем специальные (употребляемые только специалистами, т. е. они явно не входят в активный словарь любого русского), либо это диалектные (территориально ограниченные), либо устаревшие слова, которые сейчас не только не употребляют, но и практически не знают носители литературного языка: *аванпорт, автомотриса, аймак, акриды, альпинада, альпинарий, аргамак, ареометр, архалук, бальзамин, баясничать, баясы, бандо, барвинок, бармы, бархатцы, баштан, бебехи, безвозбранный, безголосица, безменный, бейка, белодеревец, бердыш, берейтор, бешмет, било, благовремение, благорастворение, елико, ендова, епанча, епитимья, ерик, застреха, кнехт, книксен, кобза, коверкот, консистория, опивки, оплечье, опоек, опойковый, опока, пролаза, проминка, развратитель, раздолжит, раскос, раскричать, распыскать, распустеха, саржа, сарпинка, сарыч, свиязь, седловка, серпанка, сетчатокрылые, синодик, скирдоправ, скобель, сколопендра, слонять, смарагд, смоква, смякнуть, снегопах, соседить, сотейник, сохлый, союзка, сподручник, спондей, спорница, спорок, щерить, эвентуальный, экзарх, экзекутор, эмпирей, эмфаза, эскарп, эспаньолка, юкола, явор, ягдташ, ягельник, ягниться, язевый, яловеть, яловый, яранга, ярка, ярыга, ясак, ястык, ятаган, ятрышник, ястычный, ятрышниковый.*

Может быть, часть наших современников и знает некоторые из этих слов, но уж точно нельзя сказать, что многие (а тем более, что

все) употребляют эти слова. Присутствие в большом количестве подобных слов и не позволяет считать словарь [Ожегов, Шведова, 1992] представителем краткого типа толковых словарей русского языка.

Не исключено, что указанная тенденция наблюдается в изменении состава словника «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, выпущенного в 2012 г. под ред. Л.И. Скворцова [Ожегов, 2012]. Дело в том, что заявленный объем этого словаря — «ок. 100 тыс. слов, терминов и фразеологических выражений», очевидно, тоже выводит этот словарь за рамки «краткого».

3.2. Анализ результатов тестов объемных и качественных характеристик словарного знания носителей русского языка

Тестирование результатов обучения данному языку в настоящее время производится, как правило, на основе так называемых лексических минимумов, состав которых отбирается на основе ряда варьирующихся по своему качеству у разных авторов критериев, вырабатываемых эмпирически. Если даже считать объективными результаты отбора лексических минимумов, то их использование при тестировании может дать оценку знания лексики данным индивидуумом только «снизу» (не ниже какого уровня наблюдается знание лексики у данного тестируемого). Но оценки «сверху» (оценки того, какого реального уровня тестируемый достиг в ходе своего собственного развития или специального обучения) с помощью того или иного минимума мы не можем получить, так как для проверки тестируемых используются заведомо ограниченные по объему и сложности лексические материалы (ограниченные представлениями методистов о необходимом минимальном объеме проверочного материала). От тестирования на основе лексических «минимумов», наверное, иного и не требуется, так как тестирующие в данном случае выясняют только соответствие лексических знаний некоторому определенному набору (который они предъявляли обучаемым в ходе учебного процесса), а не полный объем этих знаний. Действительно решить проблему реального владения лексикой данного языка его коренными носителями разных возрастов, профессий, пола, региона проживания и т. п. можно только при выработке тестовых материалов при опоре на структурированное отображение в них полной лексической системы данного языка (в том числе с дифференциацией лексических единиц по качественным и структурным типам, уровням сложности, активности/пассивности и т. п.).

Прямые тесты типов словарного знания коренных носителей русского языка нами проводятся на основе представительных выборок из самых больших собраний русской лексики. Источником нашего тестового списка, использованного в серии тестов 2007–2012 гг., был «Сводный словарь современной русской лексики» [Рогожникова,

1990] общим объемом в 165 тыс. слов. Путем случайной выборки из этого словаря одного процента слов был получен тестовый список в 1651 слова. Каждое слово было охарактеризовано со стороны части речи, полисемии, омонимии, стилистических характеристик значений, частоты употребления (по данным «Полистилевого корпуса текстов современного русского языка»), представленности в словарях разных типов. При проведении экспериментов мы, в частности, ожидали, что испытуемые должны показывать наиболее полное знание и относительно более активное владение лексическим материалом краткого словаря в сравнении со средним и среднего — в сравнении с большим. Экспериментальные данные подтвердили это [Поликарпов, 2011; 2012].

По данным наших исследований, основных (заглавных) входных лексических единиц (статей) в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (9–13 изданий) — ок. 40 тыс. Наши экспериментальные исследования (тестирование взрослых носителей русского языка [Поликарпов, Поликарпова, 1987]) показывают, что именно этот объем (и именно такой в основном по качеству лексики, как в 9–13 изданиях ожеговского словаря) характерен для пересечения индивидуальных активных лексиконов образованных носителей русского языка (членов общества с высшим образованием). Определение полного объема этого пересечения было возможно на основе пересчета результатов тестирования по списку на полный объем словаря, из которого этот список отбирался. Вполне возможно, что именно этот объем (ок. 40 тыс. лексических единиц) и качество единиц этого пересечения характеризует некоторое культурное единство наиболее просвещенной части русского языкового коллектива, которое может выступать в роли некоего желаемого практического состояния, к которому может и должен подтягиваться активный словарь и остальных членов этого языкового коллектива.

Естественно, что если тестируются люди не такого высокого культурно-образовательного уровня, то и такое «пересечение» активных индивидуальных словарей оказывается менее мощным. Например, по данным Л.О. Савчук (которая проводила исследование под нашим руководством), пересечение активных словарей студентов педагогического института в Орехово-Зуеве покрывает ок. 10 тыс. слов [Савчук, 1997], а по данным нашего обследования студентов филологического факультета МГУ [Поликарпов, 2011; 2012], в пересечение их активных индивидуальных словарей попадает более 20 тыс. слов. Скорее всего, эти данные демонстрируют диапазон (от 10 до 40 тысяч слов), в пределах которого может находиться объем определенного нами «пересечения индивидуальных активных словарей», логически соответствующий выявляемому лексикографами составу краткого толкового словаря. Не исключено, что в ходе после-

дующих исследований удастся показать не только более точно количественный диапазон, но и качественные отличия между различными групповыми — образовательными, возрастными, территориальными, половыми и т. п. — пересечениями в составе широкого обследования знания современной русской лексики коренными и некоренными носителями русского языка.

3.3. Закономерные отличия в стилистических характеристиках значений толковых словарей среднего и краткого типов

Поскольку расширение словника и отображаемых значений слова в среднем словаре в сравнении с кратким и в большом — в сравнении со средним происходит за счет все более периферийных слов и значений, то значения слов в словаре каждого более объемного типа должны быть в большей степени маркированы той или иной сферой общения. Это относится в первую очередь к маркированию значений слов пометами книжно-специального плана. Но эта тенденция в основном просматривается и для остальных классов стилистической маркированности.

При этом усиление периферийной составляющей в словаре среднего типа в сравнении с кратким словарем, а в большом словаре — в сравнении со средним происходит как за счет большего привлечения в него знаменательной (в основном предметной) лексики, так и менее широко употребляемых (а то и вовсе — неупотребляемых), но пассивно известных (хотя бы кому-либо из ныне живущих) значений слов.

В настоящей работе эта гипотеза проверяется на материале сопоставления данных о степени маркированности значений слов стилистическими пометами четырех основных классов — «разговорными», «книжно-специальными», «областными» (территориальная ограниченность), «устарелыми» (хронологическая ограниченность) двух смежных словарей в обсуждаемой типологической иерархии — СО («Словаря русского языка» С.И. Ожегова, изд. 9–13) и МАС-1 («Словаря русского языка в 4 томах» под ред. А.П. Евгеньевой, 1-е изд.) (табл. 1).

Используемая здесь система функционально-стилистических помет четырех основных типов является обобщением того разнообразия конкретных помет и их комбинаций (около ста разных), которые встречаются в каждом из анализируемых словарей [Поликарпов, Крюкова, 1987; Поликарпов, Курлов, 1994].

В табл. 1 для Словаря МАС использованы стилистические данные, представленные в нашей работе [Поликарпов, Курлов, 1994]. Данные по словарю СО являются новыми, ранее не опубликованными. Естественно, новым является и сопоставление этих двух словарей по указанным характеристикам.

Величина полисемии является одним из наиболее важных параметров лексических единиц. Эта характеристика отражает широту функциональных возможностей слова, относительную степень продвинутой по пути реализации его семантического потенциала в ходе его жизненного цикла [Поликарпов, 2007]. Она связана как с преобладающей качественной характеристикой его значений, так и с его категориальной, частеречной принадлежностью.

Все лексические единицы обоих сопоставляемых словарей были разделены на следующие объемно-семантические группы: слова с 1, 2, 3–4, 5–8, 9–16, 17–32 и большим числом значений. В основе данного способа группировки слов лежит логарифмическая мера величины полисемии. Она используется для того, чтобы получить такие группы слов, каждая из которых заметно отличается по этой характеристике от предшествующих и последующих групп в этой последовательности.

Таблица 1 содержит относительные данные (в%). За 100% берется общее количество значений слов в каждой полисемической области (отдельно для каждой части речи и для слов всех частей речи вместе).

Таблица 1

Соотношение общей и разрядной стилистической помеченности значений слов разных частей речи по разным полисемическим зонам словарей МАС и СО (относительные величины, %)

Полис. Зоны	Категории стилистических помет значений слов									
	Книжные (%)		Разговорные (%)		Устарелые (%)		Областные (%)		Все пометы вместе (%)	
	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО
	СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ									
1	16,87	10,9	12,75	11,35	6,77	4,49	1,06	0,54	37,45	27,28
2	18,33	8,55	17,61	8,43	9,01	3,92	2,34	0,35	47,29	21,25
3...4	14,84	9,15	16,2	7,42	7,06	3,19	1,33	0,25	39,42	20,01
5...8	13,68	9,27	12,75	6,29	5,1	2,81	0,73	0,26	32,25	18,63
9...16	8,33	10,9	6,58	8,7	4,82	1,4	0,73	–	20,47	21
	ГЛАГОЛ									
1	6,4	10,87	37,87	37,38	9,15	5,22	0,53	0,26	53,87	52,17
2	6,24	4,47	32,26	20,6	6,55	2,26	0,84	0,09	45,89	27,22
3...4	4,04	2,77	25,05	20,82	4,84	1,92	0,69	0,06	34,63	25,57
5...8	2,97	1,64	17,7	12,58	2,8	0,74	0,44	0,07	23,89	15,03
9...16	3,02	2,62	16,98	17,47	2,2	1,1	0,24	–	22,45	18,57
17–32	1,92	1,3	9,62	5,19	0,96	–	0,96	–	13,46	6,49

Полис. Зоны	Категории стилистических помет значений слов									
	Книжные (%)		Разговорные (%)		Устарелые (%)		Областные (%)		Все пометы вместе (%)	
	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО	МАС	СО
	ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ									
1	13,36	12,81	7,72	11,17	5,64	4,71	0,3	0,1	27,01	28,79
2	14,18	6,28	8,32	6,56	7,01	2,52	0,46	–	29,97	15,36
3...4	8,81	3,66	5,82	7,13	4,64	2,06	0,31	0,18	19,57	12,85
5...8	6,99	2,66	4,8	8,73	2,97	1,14	0,09	–	14,85	12,53
9...16	4,52	1,8	4,02	10,6	3,52	7,1	–	–	12,06	19,5
	НАРЕЧИЕ									
1	–	4,4	25,73	32,3	–	4,84	–	0,15	48,72	41,69
2	1,4	1,58	29,8	23,68	8,2	3,16	0,8	–	40,2	28,42
3...4	0,76	–	15,78	24,05	3,05	–	–	–	19,59	24,05
5...8	0,42	–	13,45	36	6,3	–	–	–	20,17	36
9...16	–	–	5,13	–	–	–	2,56	–	7,69	–
17–32	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	ОСТАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ									
1	–	1,55	44,63	31,58	22,41	5,08	–	0,3	61,11	38,51
2	2,86	–	33,33	32	12,38	0,5	2,86	1,5	51,43	34
3...4	1,35	–	60,81	15,03	8,11	1,16	4,05	–	74,32	16,19
5...8	3,68	–	25,77	9,17	13,5	–	2,45	–	45,4	9,17
9...16	2,2	–	5,49	3,84	4,4	–	–	–	12,09	3,84
17–32	0,94	–	4,72	–	1,89	–	–	–	7,55	–
	ВСЕ ЧАСТИ РЕЧИ ВМЕСТЕ									
1	13,01	10,75	18,66	17,99	7,36	5,9	0,72	0,39	39,75	35,03
2	12,82	6,79	21,03	11,98	7,77	3,14	1,4	0,22	43,01	22,13
3...4	8,94	5,79	18,21	12,12	5,64	2,49	0,88	0,13	33,66	20,53
5...8	7,17	4,53	14,31	9,68	3,92	1,54	0,52	0,12	25,91	15,87
9...16	4,69	3,67	11,97	13,14	3,17	1,83	0,4	–	20,24	18,64
17–32	1,32	1,29	6,61	7,79	1,32	1,29	0,44	–	9,69	10,37

На основе этих данных ниже построены графики (рис. 1–5), демонстрирующие ряд тенденций в стилистической маркированности значений слов разных частей речи по разным полисемическим областям в словарях двух разных типов.

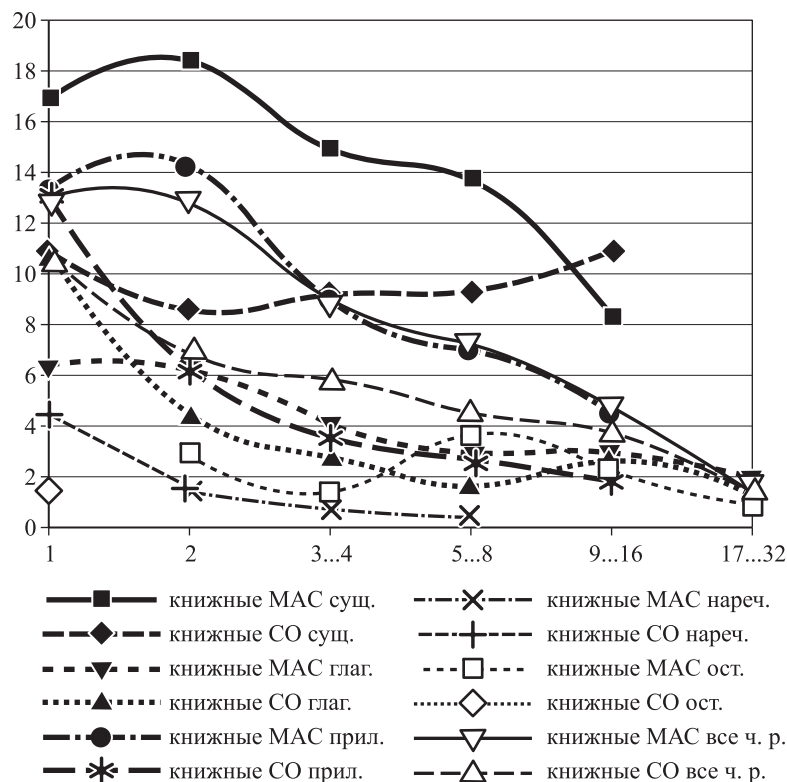

Рис. 1. Соотношение степени книжно-специальной стилистической маркированности значений слов словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам и по разным частям речи

Как и ожидалось, исходя из теоретических представлений [Поликарпов, 1987; Поликарпов, Курлов, 1994], состав словаря среднего типа (каковым является МАС), покрывающего относительно более обширные смысловые области языка, должен содержать в себе значения слов, относящиеся к периферийным, специальным областям в большей степени, чем состав краткого словаря (СО). Что, совершенно очевидно, и подтверждается приводимым рисунком. Помеченность значений классом книжно-специальных помет в основном сосредотачивается в зонах малозначности, за исключением значений немногочисленной и пестрой по составу группы «остальных частей речи» (т. е. в основном служебных и междометных) слов.

Обнаруживается некоторая неопределенность картины с этими пометами для существительных словаря СО. Последнее закономерно, так как книжно-специальные значения и не должны массово попадать в общее активное знание русской лексики (как и лексики любого дру-

гого языка), что и отображается в словарях краткого типа. В словарь краткого типа такие значения могут попадать только спорадически, не соотносясь регулярно со степенью развитости полисемии слов.

Естественно, что наибольшая степень стилистической маркированности классом книжно-специальных помет свойственна для значений существительных по МАСу. Именно существительные в языке в наибольшей степени наполняют периферию лексикона общества. Она и отображается относительно полно в среднем словаре в сравнении с кратким.

Для СО тоже характерна высокая доля помеченности значений его существительных этим классом помет. Но, как мы и ожидали, все-таки более низкая, чем в МАСе, так как периферийные для языка слова и значения слов в краткий словарь и не должна практически попадать.

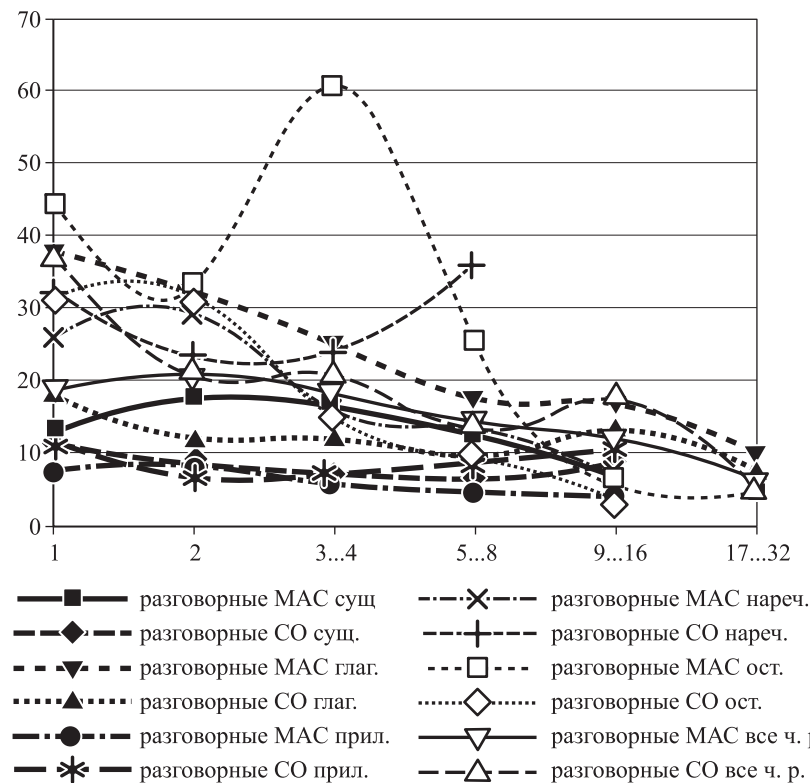

Рис. 2. Соотношение степени разговорной стилистической маркированности значений слов словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам и разным частям речи

Общая тенденция к более выраженной и этим классом помет значений малозначных слов сохраняется как для МАС-1, так и СО (см. кривую для всех частей речи вместе), хотя она и менее выражена. Картина здесь относительно более пестрая, так как разговорная маркированность значений связана не с крайней периферией употребления слов (как книжная маркированность), а с центральной областью языковой практики общества, для которой свойственны в большей степени многозначные слова.

Общая маркированность значений стилистическими пометами разговорного класса в словаре МАС-1 оказывается выше, чем маркированность книжно-специальная. Этот факт представляется неожиданным, противоречащим типовому соотношению в толковых словарях значений разного стилистического качества. Дело в том, что разговорная область относится, в основном, к ядру лексики, а специальная — к ее периферии. По определению периферия обширнее ядра. В связи с этим можно предположить, что в МАС-1 (по некоторым объективным или субъективным причинам) недостаточно отражен пласт специально-книжных слов и значений. Выборочное обследование различных алфавитных участков данного словаря, проведенное нами, обнаруживает заметное отсутствие в нем многих специальных слов и значений, свойственных современному русскому узусу в профессиональных областях (например, представленных в специальных словарях). Общее число таких недобранных значений, по нашим оценкам, достигает нескольких десятков тысяч. Эти оценки связаны с тем, что, согласно данным «Сводного словаря современной русской лексики» [Рогожникова, 1990], в нем содержится около 85 тыс. слов (преимущественно однозначных терминов), не присутствующих в (МАС-1), и около 80 тыс. слов — в МАС-2).

Это предположение подтверждается и характеристикой лексикографической концепции МАСа, сформулированной самим его составителем. Действительно, при решении вопроса о включении или невключении в этот словарь определенных разрядов лексики автор не устанавливает существенных ограничений только для одной из четырех интересующих нас в стилистическом аспекте групп — для группы разговорных лексических средств. Не допускались в словарь из этого круга средств, по словам автора словаря, лишь «слова грубого просторечия» [Евгеньева, 1957–1961, т. 1: VII], малочисленность которых по сравнению с общим объемом разговорного пласта не вызывает сомнений и не имеет решающего значения для общей картины. Более существенно то, что не включались в словарь и некоторые разряды производных существительных, прилагательных и наречий, которые «легко образуются и легко понимаются» [Евгеньева, 1957–1961, т. 1: VII], и которые также, очевидно, чаще, чем их производящие, явля-

ются периферийными, а значит, чаще и малозначными единицами, единицами со специальными значениями. Более того, в анализируемый словарь, по прямому признанию его автора, принципиально не включались «узкоспециальные термины отдельных областей науки, техники, искусств, необходимые лишь специалистам» [Евгеньева, 1957–1961, т. 1: VII], т. е. доступ актуальной специальной лексики в словарь был сильно затруднен. За счет дополнительного учета значений подобных слов степень маркированности ЛСВ малозначных (в том числе и однозначных) слов могла бы, видимо, существенно повыситься в сравнении с тем, что имеется сейчас в МАСе. Иными словами, можно предположить, что при условии учета этих фактов должно в итоге ликвидироваться наблюдаемое сейчас на графиках некоторое нарушение тенденции роста степени стилистической помеченности значений слов при движении в зону малозначных (особенно, однозначных) слов.

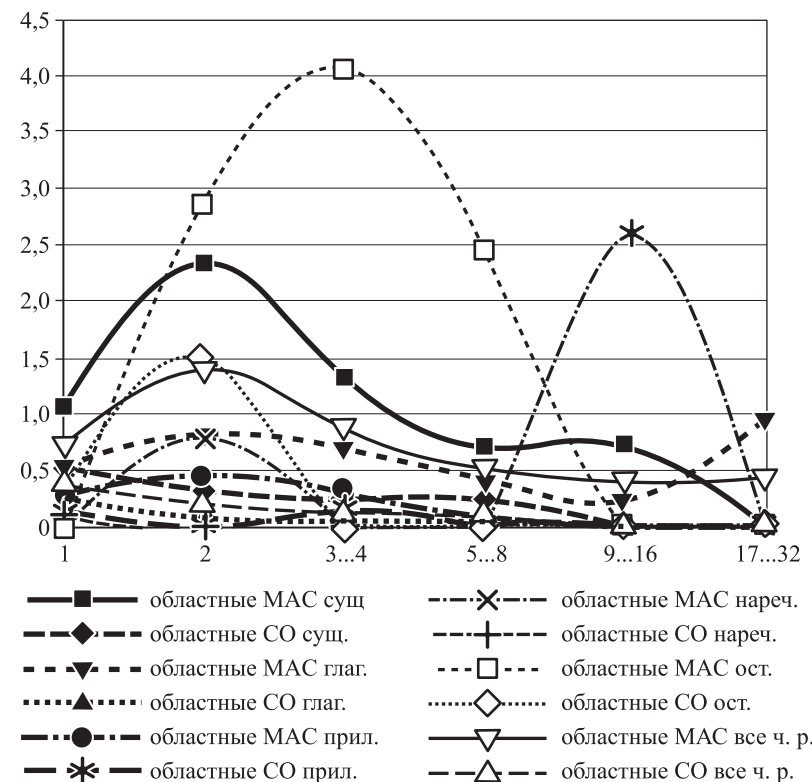

Рис. 3. Соотношение степени областной стилистической маркированности значений слов разных частей речи словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам

Пометы территориальной ограниченности употребления значений — наименее активный вид стилистических помет (в среднем, он относится к менее, чем 1 % значений), так как «в идеальном случае» их и не должно быть ни в среднем, ни тем более в кратком словаре. Значения этого класса попадают в минимальной степени в словари, преимущественно через посредство текстов художественной литературы как наиболее популярные средства создания местного колорита в тексте.

Как видно, для областных помет в целом наблюдается более пестрая картина их распределения по значениям слов разных частей речи и разных полисемических категорий. Однако если рассматривать ситуацию для всех частей речи вместе, то и для данного класса помет обнаруживается их наибольшее тяготение к значениям мало-значных слов.

В среднем словаре, как и ожидалось, маркированность значений данным классом помет представлена относительно больше, чем в кратком.

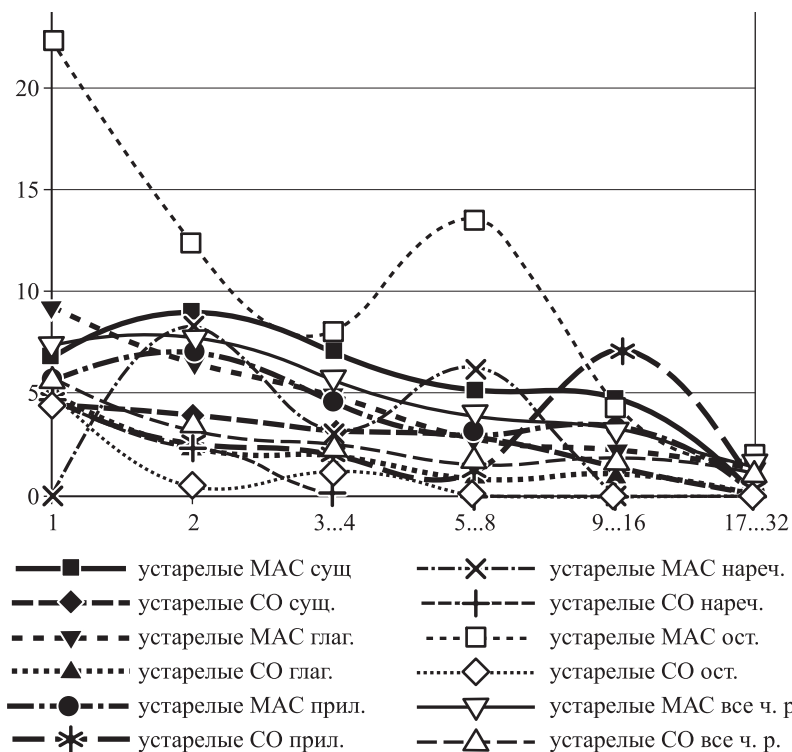

Рис. 4. Соотношение степени устарелой стилистической маркированности значений слов разных частей речи словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам

Устаревшие значения в обоих сопоставляемых словарях представлены существенно более активно, чем значения, территориально маркированные. Это и понятно, так как часть так называемых устаревших слов и значений продолжает (хотя и существенно реже) употребляться в речи некоторых людей со стилистическими целями (например, в целях создания текстов возвышенного стиля).

Общая тенденция, обнаруживаемая для значений всех частей речи и на данном классе помет, тоже заключается в наибольшей стилистической маркированности значений мало-значных слов.

В среднем словаре, как и ожидалось, маркированность значений данным классом помет представлена относительно больше, чем в кратком.

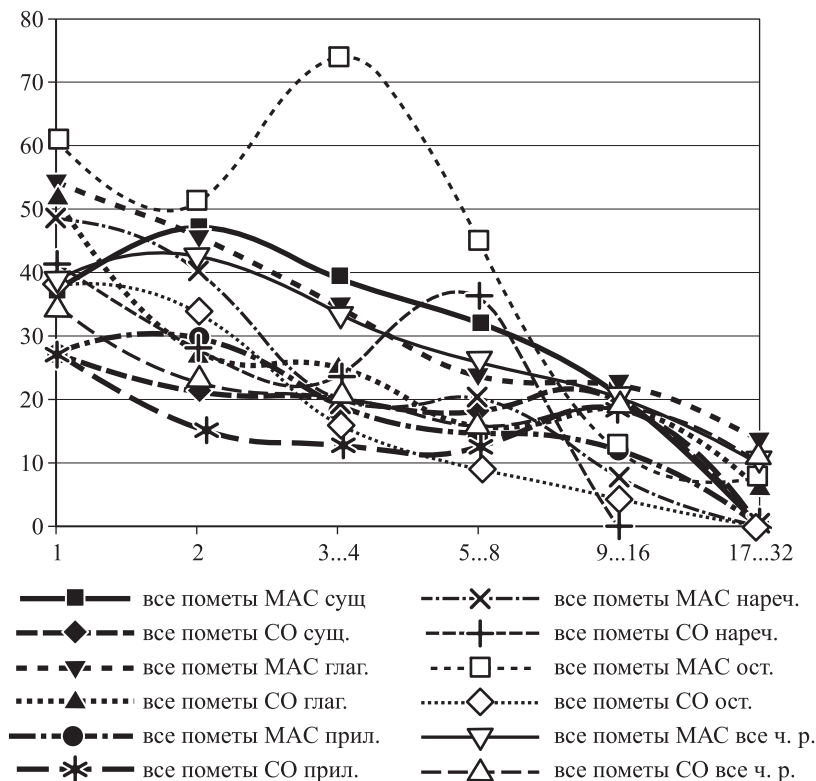

Рис. 5. Соотношение совокупной степени стилистической маркированности значений слов разных частей речи и всех частей вместе для словарей МАС и СО по разным полисемическим зонам

Данный рисунок, кроме генеральной тенденции к максимальной стилистической маркированности значений мало-значных слов, де-

монстрирует факт общей более высокой маркированности значений МАСа, в сравнении с СО, как словаря, включающего не только ядро, но и существенную часть периферии лексической системы языка. Кроме того, видно, что общий дефицит существительных и их стилистической маркированности в МАСе проявляется в основном в зоне малозначности.

3.4. Закономерные отличия полисемических распределений в словарях разных типов

Коммуникативные факторы, формирующие трехслойную структуру совокупного словаря общества, должны определять и некоторое закономерное соотношение каждого из типов словарей со словарями двух других типов по *распределению числа слов с разным числом значений*. Это представление в принципе подтверждается, например, при соотнесении *количественных характеристик полисемических структур русских толковых словарей всех трех типов и британских английских толковых словарей краткого и среднего типов оксфордской серии словарей* [Поликарпов, 1987]. На приводимых ниже рисунках 6–8 по оси Х откладываются в логарифмическом масштабе величины полисемии слов определенного диапазона, а по оси Y — соответствующие логарифмические величины количества слов данного диапазона полисемии для этих пяти словарей (Табличные данные для графиков см. в табл. 2 и 3).

Использование логарифмического масштаба для отображения этих соотношений объясняется тем, что логарифмическая мера органично соответствует многим количественным соотношениям в естественном языке. Кроме того, ее использование позволяет длинный ряд данных, следующих некоторой зависимости, «ужать» и представить в более обозримом виде графически.

Таблица 2

Соотношение количества слов разных зон полисемии по данным толковых словарей русского и английского языков

Полисемия (лог. зоны)	ССРЛЯ	МАС	СО	Hornby	Shorter
33...64	1				18
17...32	71	14	6	13	159
9...16	706	289	120	160	1067
5...8	3914	1960	815	741	4 599
3...4	13 305	6740	3506	2560	11 596
2	26 102	13 236	8 390	4 688	16 397
1	76 382	59 920	44 166	36 210	45 965
Итого	120 481	82 159	57 003	44 372	79 801

Соотношение логарифма количества слов разных логарифмических зон полисемии по данным толковых словарей русского и английского языков

Полисемия (лог. зоны)	ССРЛЯ лог.	МАС лог.	СО лог.	Hornby лог.	Shorter лог.
1	4,883	4,7776	4,645	4,559	4,662
2	4,4167	4,1218	3,924	3,671	4,215
3...4	4,124	3,8287	3,545	3,408	4,064
5...8	3,5926	3,2923	2,911	2,87	3,663
9...16	2,8488	2,4609	2,079	2,204	3,028
17...32	1,8513	1,1461	0,778	1,114	2,201
33...64	0				1,255

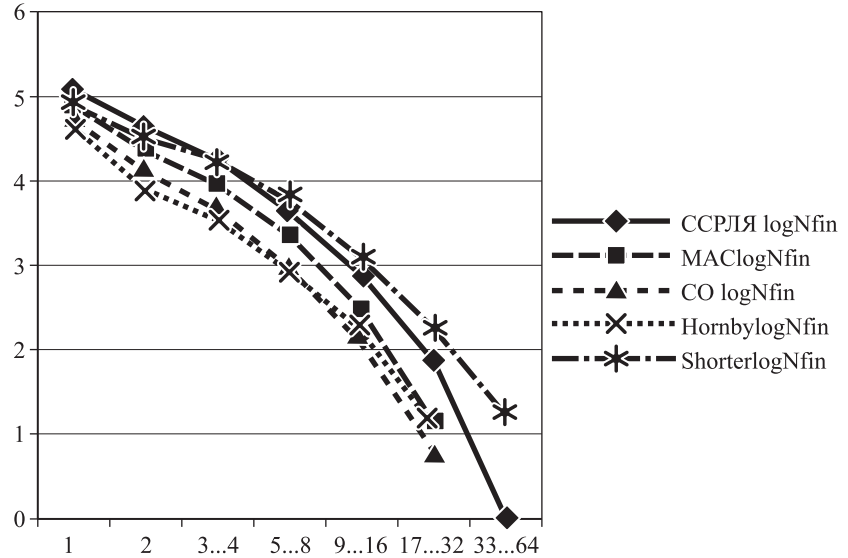

Рис. 6 . Полисемическое распределение слов в русских и английских толковых словарях разных типов (масштаб — билогарифмический; ось X — полисемия, ось Y — кол-во слов данной полисемии)

На приводимых ниже рис. 7 и 8 данные для словарей английского и русского языков представлены по отдельности. Это позволяет представить соотношение между словарями разного типа одного и того же языка более наглядно.

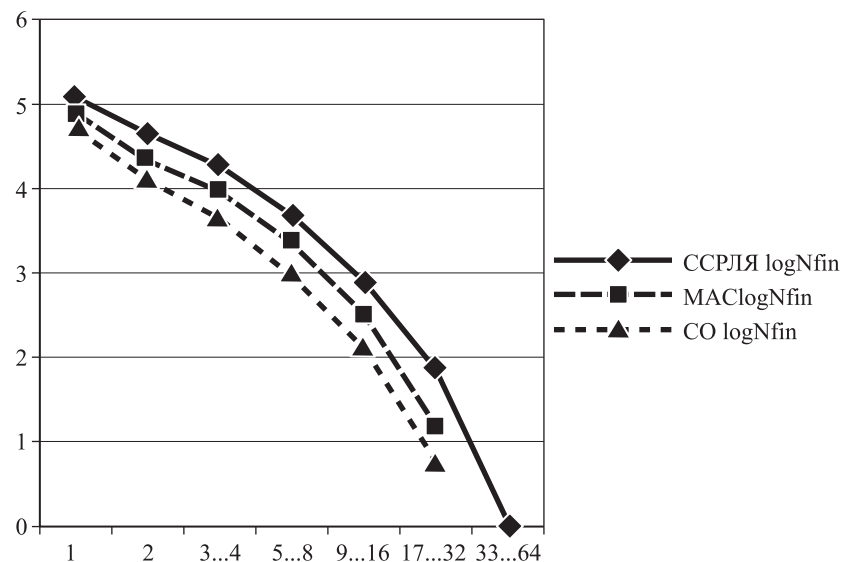

Рис. 7. Полисемическое распределение слов в русских словарях трех разных типов — большом, среднем и кратком (масштаб — билогарифмический; ось X — полисемия; ось Y — кол-во слов данной полисемии)

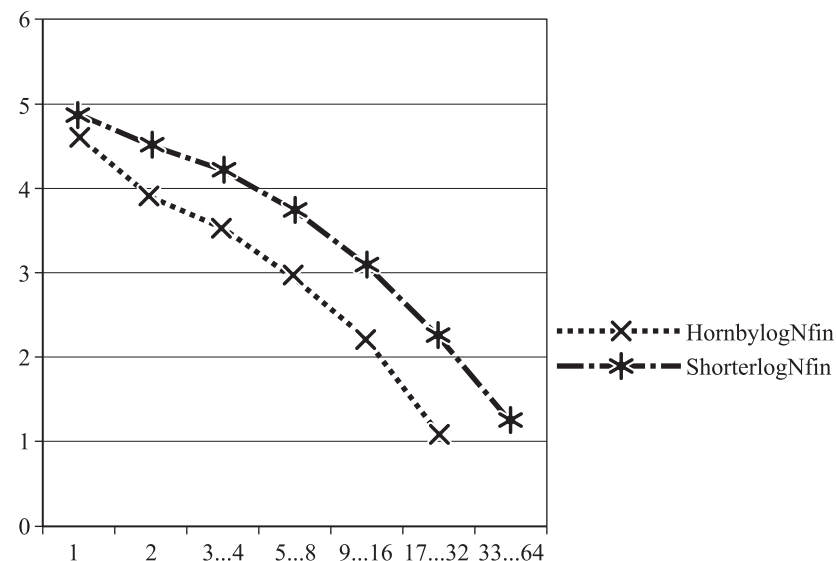

Рис. 8. Полисемическое распределение слов в английских словарях двух разных типов — кратком и среднем (масштаб — билогарифмический; ось X — полисемия, ось Y — количество слов данной полисемии)

Рассмотрение представленных на рис. 6–8 данных позволяет сделать вывод, что полисемические распределения независимо от типа толкового словаря данного языка сохраняют устойчивое типологическое сходство, структурное подобие, заключающееся в повторяющейся величине пропорции слов разной полисемии в словарях разного типа. Это означает, что лексикографический отбор слов и значений в словаре меньшего объема в сравнении со словарем большего объема происходит не хаотически, а на основе достаточно четких критериев, системно соотносящих их набор в относительно более ограниченном словаре с общим составом лексической системы языка (а поэтому и с составом слов и числом их значений в более полном словаре). Эти критерии задаются лексикографу его ощущением всеобщего характера одних слов и значений (из пересечения активных индивидуальных словарей), а также ощущением актуальности/неактуальности остающихся слов и значений.

Важно также отметить, что полисемическое распределение слов отображает и типологический статус языка — его относительную аналитичность. Полисемические распределения всех русских словарей в сравнении с тем же распределением английских словарей устойчиво являются более крутыми по углу наклона: за счет относительно большего числа однозначных слов в русских словарях и относительно меньшей в них максимальной полисемии. Это объясняется большей узостью лексического словаря в относительно более аналитическом английском языке (компенсируемом относительно более обширной фразеологией).

Таким образом, реальное системное членение словарного состава отражается в иерархии словарей, в системной соотнесенности многих из их характеристик, в том числе и в характеристиках распределения слов по числу значений в словарях разного типа.

4. Заключение

Проведенный сопоставительный анализ русских толковых словарей — БАС-1, MAC-1 и СО как представителей большого, среднего и краткого типов толковых словарей по составу их словника, по соотношению их полисемических характеристик, а также MAC-1 и СО — по разным типам стилистической маркированности значений в разных полисемических областях слов разных частей речи, подтвердил наши теоретически обоснованные ожидания о неслучайности сходств и расхождений в этих характеристиках между толковыми словарями разных типов. Обнаруживаемые сходства касаются универсальной тенденции к большей стилистической маркированности значений малозначных слов в сравнении с многозначными, а также большей стилистической маркированности значений знаменательных слов (в особенности, существительных) в сравнении со значениями

служебных слов. Обнаруживаемые различия между словарями разных типов принципиально объясняются нами тем, что каждый из них отображает разные по широте и, соответственно, качеству, лексические ресурсы русского языка. Мы предполагаем, что в составе кратких словарей лексикографы отображают наиболее активное «ядро» словаря языка, образуемое, видимо, путем практического соотнесения и выявления ПЕРЕСЕЧЕНИЯ индивидуальных активных словарей носителей этого языка в бесчисленных перекрестных актах общения. Состав средних словарей отображает, скорее всего, ОБЪЕДИНЕНИЕ индивидуальных активных словарей, т. е. в пределе, ПОЛНЫЙ АКТУАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ДАННОГО ЯЗЫКА (включая и периферийную, в том числе специальную лексику). Состав большого словаря отображает, видимо, еще более широкое ОБЪЕДИНЕНИЕ полного актуального словаря данного языка с устаревшей, но кому-то из современных носителей языка известной лексической периферией языка.

Наиболее явно макросоотношение толковых словарей трех разных типов предстает на графиках полисемических распределений русских и английских словарей. Выявляется замечательное ПОДОБИЕ между распределениями словарей разных типов внутри каждого языка. Выявляется также знаменательное отображение в характеристиках полисемического распределения ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ английского и русского языков. В полисемическом распределении английских словарей, в отличие от русских, наблюдается относительное усиление высокополисемической и ослабление низкополисемической области.

Эти, а также другие полученные нами данные не противоречат нашей гипотезе о существовании трехслойной структуры лексической системы языка и ее отображении в трехчастной типологии толковых словарей.

Список литературы

- Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998; 2-е изд. СПб., 2000.
- Большой академический словарь русского языка. Т. 1–21 / Гл. ред. А.С. Герд. М.; СПб., 2004–2012 (БАС-2).
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1863–1866.
- Евгеньева А.С. (Ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1957–1961 (МАС-1); 2-е изд. М., 1981–1984 (МАС-2).
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
- Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. Монография. М., 1978.

- Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. М., 2000.
- Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. М.: Наука, 2003.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. 1–20 изд. (с 9 изд. под ред. Н.Ю.Шведовой). М., 1949–1989 (СО).
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2012 (СО).
- Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. М., 1992.
- Поликарпов А.А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1987 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 774).
- Поликарпов А.А. Системно-квантитативный подход в лингвистике // Научные школы в лингвистике. Смоленск, 2007.
- Поликарпов А.А. Закономерности активного и пассивного знания и незнания лексической системы русского языка московскими студентами // «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических языков, профессора Л.Г. Бабенко 29.09 — 1.19.2011 г. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург, 2011.
- Поликарпов А.А. Теоретические основания и эксперименты для анализа соотношения индивидуальных словарей с лексической системой языка. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/pdfs/polikarpov_2012_2.pdf
- Поликарпов А.А., Крюкова О.С. О системном соотношении краткого и среднего толковых словарей русского языка // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Тарту, 1989 (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 872).
- Поликарпов А.А., Курлов А.А. Стилистика, семантика, грамматика. Опыт анализа системных взаимосвязей (По данным толкового словаря) // Вопросы языкознания. 1994. № 1.
- Поликарпова А.О., Поликарпов А.А. Опыт изучения уровня и характера индивидуального знания русской лексики // Квантитативные аспекты системной организации текста: Материалы Межвуз. семинара. Тбилиси, 1987.
- Рогожникова Р.П. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. М., 1990.
- Савчук Л.О. Системные соотношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного и пассивного словарного запаса): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965 (БАС-1).

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 1–4. М., 1847.
 Ушаков Д.Н. (Ред.). Толковый словарь русского языка. М., 1938–1940.
 Hornby A.S. (Ed.) Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 3-rd ed. Oxford University Press, 1974 (Hornby).
 Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 11th edition. Merriam-Webster, 2004 (Collegiate).
 Merriam-Webster's School Dictionary. Revised edition Merriam-Webster, 2004 (School).
 A New English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Oxford Univ. Press, 1884–1933 (NED).
 Oxford English Dictionary. 2nd ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989 (OED).
 Oxford Shorter English Dictionary. 6th ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007 (Shorter).
 Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged (Ed. by Philip Babcock Gove). G. & C. Merriam, 1961 (Webster's 3rd).

Сведения об авторах: Поликарпов Анатолий Анатольевич, проф. кафедры ??? филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова, приглашенный профессор Барселонского университета (Испания). E-mail: anatoli@mail.ru; Марк Руис-Соррилья Крусате, профессор отделения славянской филологии Барселонского университета (Испания). E-mail: m.ruizzorilla@ub.edu

Ван Юн, Лю Хайтао

КВАНТИТАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПО ЕГО СИНТАКСИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ¹

Данная статья ставит своей целью расширение потенциала использования статистических методов в синтаксическом анализе русского языка. На основе данных из корпуса СинТагРус, разработанного Институтом проблем передачи информации РАН, анализируются квантитативные признаки имени существительного в двух случаях: когда оно выступает в роли главного слова и когда — в роли зависимого слова. Описываются главные типы синтаксических конструкций и особенности порядка слов в этих синтаксических конструкциях. Отдельно рассматриваются синтаксические отношения в обоих случаях.

Ключевые слова: русский язык, СинТагРус, имя существительное, синтаксические признаки, квантитативное исследование.

Focusing on Russians nouns and with the SynTagRus treebank built by the Russian Academy of Sciences as data source, this paper performs a quantitative analysis of the syntactic structures formed by Russian nouns as governors and as dependents, respectively. A more accurate description is provided of the basic types, word-order properties and syntactic functions of the syntactic structures in both cases.

Key words: Russian, SynTagRus, Treebank, nouns, syntactic properties.

1. Введение

В лингвистическом исследовании нередко используются статистические методы, которые «позволяют количественно описывать поведение различных языковых единиц (фонем, букв, морфем, слов) в тексте: частоту употребления единиц, их распределение в текстах разного жанра, сочетаемость с другими единицами и т. п. Одновременно накапливается обобщенная количественная информация о классах единиц, о языковых конструкциях (напр., данные о средней длине слова или предложения, о частоте употребления каких-либо грамматических форм в тех или иных синтаксических функциях и

¹ Данная работа написана при финансовой поддержке правительства КНР, грант NSSFC, проект № 11&ZD188. Авторы выражают глубокую признательность ЕТАР Line за предоставленное разрешение использовать для исследования корпус СинТагРус, разработанный Институтом проблем передачи информации РАН, а также Иоакиму Нивре за предоставление данных CoNLL — варианта корпуса. Они также выражают сердечную благодарность докт. филол. наук, проф. И.А. Бубновой за помощь в подготовке русского варианта текста статьи.